

Фрунзенская коммуна*

С.Л. Соловейчик

От редакции

Открывать или не открывать этот выпуск «Социальной педагогики» статьёй С.Л. Соловейчика о Коммуне юных фрунзенцев, опубликованной в «Комсомольской правде» в 1962 году, — об этом в редакции разгорелся спор. С одной стороны, написанный живым, что называется, языком, очерк создаёт образ коммунаров тех лет и, возможно, он сможет увлечь какую-то часть читателей журнала. Когда-то этот образ КЮФа вызвал деятельный отклик не только у миллионов читателей газеты тех лет, но и у чиновников образовательной отрасли. С другой стороны, современному молодому читателю может показаться, что в статье много советской идеологической символики и советской романтики. И это может «отпугнуть» от чтения журнала нынешних прагматиков, а также тех, кто не искушён в социокинетике (так лет 15 назад была названа наука о детских движениях активно работавшей в те годы Ассоциацией исследователей детского движения). Между прочим, название «социокинетика» предложила воспитанница И.П. Иванова, Е.В. Титова, ныне доктор педагогических наук.

Автор очерка С.Л. Соловейчик к моменту его написания не мог не знать, что два года назад, в первые же недели рождения «Коммуны юных фрунзенцев» (КЮФ) при ДOME пионеров Фрунзенского района Ленинграда в ЦК ВЛКСМ полетели официальные доносы, в которых руководители РОНО и РК ВЛКСМ категорически требовали закрытия КЮФа, утверждая, что это очень опасная попытка создания новой политической детской организации — альтернативной существующей пионерской. Для тех лет это было очень серьёзным политическим обвинением. То, что удалось предотвратить разгром КЮФа «на корню», можно назвать чудом. Его создатель, научный работник ленинградского НИИ педагогики И.П. Иванов, за несколько лет до этого сам работал в ЦК ВЛКСМ. Он срочно едет в Москву, разыскивает в ЦК ВЛКСМ

* Соловейчик С.Л. Фрунзенская коммуна. — Газета «Комсомольская правда», 10 января, 1962.

старых грузей и добивается достаточно авторитетного письма с указанием разрешить ему продолжить, как он объясняет, научный эксперимент. Тогда КЮФ спасти удалось, но опыт оказался под очень пристальным наблюдением. Через два года С.Л. Соловейчик рискнул написать очерк. Почему рискнул? Да потому, что и позже (через пять лет после этого) был написан очередной донос. Но кем и куда? Ни много ни мало — Комитетом госбезопасности в ЦК КПСС... Эти документы приведены далее. И, заметим, во втором доносе уже фигурирует и фамилия Соловейчика...

Рассчитываем, что, зная теперь об этой серьезнейшей политической подоплёке, грозившей журналистской карьере С.Л. Соловейчика, читатель посмотрит на его очерк и последующие материалы первого раздела, как говорится, совсем другими глазами.

Альтернативная детская политическая организация тогда не только выжила, но и, как мы знаем, её начинает поддерживать и пропагандировать самая массовая молодёжная газета — в те годы орган ЦК ВЛКСМ. Благодаря также и этому массовому влиянию коммунарская организация выросла из детской в юношескую, а позже и в молодёжную... В стране появилось массовое юношеское движение, названное «коммунарским движением». А на его основе позже появились и другие движения... Но уже с начала 1960-х лидеры этого движения старательно избегали слова «организация». Её предпочитали называть словом «клуб».

А тогда, после очерка Соловейчика, в КЮФ хлынул поток «паломников». К счастью, опытом КЮФ тогда заинтересовалась секретарь ЦК ВЛКСМ Л.К. Балясная — человек смелый, энергичный, искренне заинтересованный в «оживлении» пионерии и школьного комсомола, в развитии инициативы и самостоятельности детей и подростков. При её поддержке во Всероссийском пионерлагере ЦК ВЛКСМ «Орлёнок» летом 1962 и 1963 гг. были организованы две экспериментальные смены.

Летом 1962-го создали отряд из 50 человек, в котором были трое вожатых (взрослые из КЮФа), несколько юных «кюфовцев» и около 40 пионеров-активистов из разных городов. Многие из них, вернувшись из лагеря, создали в своих городах «клубы юных коммунаров». Летом 1963 г. в «Орлёнке» собралось уже 50 делегатов из «секций» клуба ЮК. И общими силами удалось «окоммунарить» ещё около 500 старшеклассников — тринадцать отрядов (первой комсомольской группы среди нескольких пионерских групп) лагеря «Орлёнок». «Комсомольская правда» объявила о создании специальной страницы «Алый парус», и в первом её номере — о создании Всесоюзного заочного клуба ЮК. Так, у новой организации появились и название, и (на некоторое время) свой печатный орган. В СССР зародилось новое (уже юношеское) движение юных коммунаров, которое со временем становилось всё больше похожим на молодёжную политическую организацию. В разных городах стали проводиться съезды, которые скромно называли «коммунарскими собраниями». На некоторые из них собирались делегаты из разных городов от десятков клубов ЮК. Так, например, на летний сбор 1964 года в г. Братск съехались около 200 делегатов из 20 городов СССР.

Если учесть всё это, очерк С.Л. Соловейчика нам представляется весьма значимой «увертюрой» к разделу «Педагогика и политика» этого выпуска журнала, посвящённому зарождению новой детской организации и новой идеологии детского движения 1960-х годов.

Хотя это никому и не интересно, но все же я должен сначала пожаловаться: мне очень трудно писать о Фрунзенской коммуне. Каждый, кто узнает коммунаров, сразу и навсегда становится их другом. Случилось это и со мной. Но нет ничего труднее, чем писать о близких друзьях, да еще и так, чтобы отношения с ними не испортились...

Недавно коммунары приезжали в Москву. Это была деловая поездка. Ребята встреча-

лись с московскими школьниками, рассказывали о коммуне, спорили: кроме того, им надо было спросить отчёт с московских членов коммуны. Потом пионеры уехали, а Игорь Петрович Иванов, Людмила Глебовна Борисова и Фаина Яковлевна Шапиро — ленинградские педагоги, основатели Фрунзенской коммуны — с утра до вечера принимали людей.

Это была маленькая сенсация в воспитательском мире. К ним приходили вожатые, учителя, пионерские работники, преподаватели институтов, и все слушали, слушали и, конечно, спорили. Дело, которое затеяли ленинградцы, интересно прежде всего тем, что оно заставляет думать и волноваться. Я не знаю ни одного человека, который остался бы равнодушным к этим удивительным людям.

СНАЧАЛА их было только трое. Но они затеяли такое настоящее дело, что вокруг них быстро стали собираться друзья. Теперь их человек десять. Все они удивительно преданы коммуне. Виктор Малов случайно познакомился с коммунарами, когда был студентом Ленинградской консерватории. Сейчас он — артист Новосибирского оркестра. Не близкий путь от Новосибирска до Ленинграда, но каждый раз, когда собирается коммуна, — а это бывает раза три в год, на летних, зимних и весенних каникулах, — Виктор вылетает на самолёте — ему не терпится. В перерыве между сборами Малов возится с новосибирскими ребятами и... копит деньги на следующую поездку. Когда он узнал, что коммуна приезжает на праздники в Москву, он, конечно, не вытерпел, прилетел, хотя у него было всего три свободных дня.

Он ходил по Москве, задиристый, насмешливый, в красной пилотке и с красным галстуком на груди, и что-то такое было в его облике, что все на него оглядывались, но никто не смел насмешничать над этим дяденькой-пионером. «Витя, ты почему не женишься?» — спросил я его как-то. «Не знаю, — сказал Виктор. — Может, в двадцать четыре года это ещё рано, а может,

не хватает сердца... Сердце моё — в коммуне». Наверное, Ира Леонова, студентка, или Анатолий Зуев, старший вожатый, или Игорь Ефремов, инженер, или Алик Морковский, слесарь, поморщились бы от таких слов. Мол, громковато сказано. Но в душе каждый из них согласился бы с «Гвоздиком». «Гвоздик» — так прозвали Малова в шутку. Он и вправду бывает непримиримым и нестигаемым, как стальной гвоздь.

Зато когда вечерами Виктор берёт гитару, и они вдвоем с Ирой Леоновой поют на два голоса тихие, ласковые песни, ребята замирают и подпевают тоже тихо-тихонько, и трудно сказать, что было бы с коммуной, если бы не было в её жизни такой радости — собраться вечером у костра и слушать, и петь эти добрые песни...

Очень разные люди нашли друг друга и объединились, сдружились, поставив перед собой очень смелую задачу — показать ребятам, как же должны жить люди коммунистического склада.

ПРИМЕРНО три года назад они собрали в Доме пионеров активистов из разных дружин Фрунзенского района. Так появилась КЮФ — Коммуна юных фрунзенцев.

Это сводная дружина пионерского актива. До сих пор активистов обучали на семинарах и сборах практическим пионерским навыкам. А организаторы коммуны решили: этого мало. Мало научить человека отдавать рапорт и составлять план работы. Надо сделать его таким, чтобы за ним действительно шли другие. Результаты работы коммуны видны в каждом отряде, в каждой дружине, где есть коммунары.

«Средство» воспитания в коммуне одно: она даёт ребятам право и возможность вторгаться в настоящую, взрослую жизнь. В коммуне ребятам внушают, что они не какие-то там «будущие» строители коммунизма, а уже сегодня заправдашние борцы. И если есть в жизни что-то плохое, то в этом виноват не кто-то, а сами коммунары.

*Дряни любой гавай бой!
Своими руками, своей головой
Давай бой! —*

это один из законов коммуны.

Можно было бы подробно рассказать о делах коммуны, о её «операциях», как говорят ребята. Например, об операции «РД» («ребятам дворов»), когда коммунары организовывали мальчишек во дворах, воевали с рогаточниками и хулиганами; или об операции «РС» («ребятам села»), когда сто коммунаров разбили лагерь в подшефном Ефимовском районе и целый месяц так работали, что потом, когда огляделись, немногословный Боря Королёв сказал в изумлении: «Это было, как на фронте...» Работали на полях в колхозах, ремонтировали школы, оформляли доски почёта и создавали сводные пионерские отряды. Один из законов коммуны:

*Без принужденья коммуна живёт.
Дело зовёт — добровольцы, вперёд!*

И в добровольцах оказывались все. Им никто не говорил, что же надо делать, никто из взрослых не давал никаких заданий. Сами, разбившись на отряды, где вожатыми были сами ребята, искали дела, договаривались со взрослыми и работали, иногда в дождь, иногда ночью, работали страстно, упорно, зло. Коммунары поняли, что городские ребята должны быть не «шефами» сельских, а их друзьями. Надо вместе работать для людей!

В КОММУНЕ не изобрели пороха; просто здесь взрослые, которые работают с ребятами, умеют до конца использовать те принципы, которые открыты советскими воспитателями, пионерской организацией. Но там, где иные ограничиваются лишь провозглашением принципов или, начиная претворять в жизнь, останавливаются на полдороге, испугавшись «как бы чего не вышло», там коммунары идут до конца.

Фрунзенцы не боятся красивых, высоких слов, ритуалов, обычаев, хотя их не раз за это «били». Их обвиняли в том, что у них

есть какие-то свои законы, свои традиции. Но эти законы не были придуманы в один присест, и их не стоит механически перенимать.

Есть общие законы пионерии, повсюду распространённые обычаи. По ним живут в коммуне. Но ведь должно же у каждого коллектива быть что-то своё, особое, что объединяет именно этот коллектив, формирует его.

Вот так и у коммунаров. Они гордятся своей коммуной и очень преданы ей.

Мне пришлось недавно быть на одном из «огоньков» в коммуне. «Огонёк» — это обязательная вечерняя встреча всех коммунаров (летом — у костра). На «огоньке» дежурный командир, как правило, ведёт обсуждение трёх вопросов, что сегодня было хорошо, что плохо, что надо сделать. Но на этот раз на «огоньке» обсуждалось поведение коммунаров — студентов-четверокурсников. Этим летом в коммуне работала большая группа студентов — будущих учителей. А в коммуне порядок такой: пионер ты или взрослый, будь добр подчиняться законам коммуны. И вот с этих-то студентов и спрашивали ребята отчёт.

Ребята нападали на них с таким жаром, будто те совершили невесть какой страшный проступок. На самом деле провинившиеся ничего не совершили, и вот именно за это на них все сердились. Лёня Добровольский горячо говорил:

— Раз ты стал коммунаром, ты должен бороться за то, чтобы твоя группа (если ты комсомолец) была лучшей, чтобы твой отряд (если ты пионер) был по-настоящему пионерским. А эти двое не боролись. Ребята были непримиримы. Им казалось, что их предали. Как же так: приняли людей в коммуну, а они остались такими, какими были? Но самое удивительное, что двое студентов совершенно всерьёз оправдывались перед ребятами и, как видно было, восприняли своё исключение из коммуны как страшный удар. Честно говоря, мне казалось, что эти двое встанут, посмеются

и скажут: «Да кто вам дал право так разговаривать с нами, требовать с нас?» Но двое вовсе не думали, что всё это игра, детская забава... Что-то есть такое в этой коммуне, что заставляет её принимать всерьёз.

Игра, в которую играют так искренне и убеждённо, что она перестаёт быть игрой, а становится жизнью, — это одно из достижений коммуны.

А вот другое — детская самостоятельность. В коммуне складываются удивительные отношения между взрослыми и детьми. Здесь несколько отрядов: «Алтай», «Волга», «Днепр», «Урал». Во главе отрядов — вожатый, мальчишка или девчонка. Это люди с талантом организаторов. Майя Дворкина, вожатая отряда «Сибирь», создала филиал коммуны... у себя дома. Папа и мама строятся на линейку. Есть у отрядов друзья из взрослых. Но, как заведено, они не отвечают за работу отряда. Вся ответственность — на вожатом, то есть на пионере. Важные вопросы решает совет коммуны (который в основном состоит из ребят), общий сбор коммуны.

Друзья коммуны, то есть взрослые, составляют «ревком». Это слово появилось случайно: как-то во время летнего сбора старшие собрались в маленькой комнатке, где по бедности и скатерть, и занавески были сделаны из кумача. И какой-то мальчишка, поражённый этим обилием красного, сказал: «У вас тут, как в ревкоме».

Хорошее это слово «ревком» понравилось, и вскоре оно стало неофициальным названием совета друзей. У ревкома есть важное качество: он умеет быть терпеливым и не сердиться на ребят даже тогда, когда те идут против взрослых. Хозяева — ребята, и они, совершая порой и неправильные поступки и исправляя сделанное, учат-

ся хозяйничать по-настоящему. Борьба с равнодушием, воспитание нетерпимости к недостаткам, революционной активности в жизни — главное направление воспитания в коммуне.

* * *

Это было в Ленинграде, во фрунзенском Доме пионеров. Красные пилотки, красные галстуки, красные треугольные значки коммуны, подколотые на пионерский или комсомольский значок.

Ребята рассказывали о своих планах: что будут делать на зимних каникулах, весной и какие грандиозные мероприятия намечены на лето. В будущем году в подшефном Ефимовском районе будет восемь лагерей коммуны — шестьсот пионеров. В каждый лагерь для «закваски» отправится один из отрядов коммуны. Дело разрабатывается.

— Скажите, что вам дала коммуна? — спросил я у ребят.

— Я понял, что такое настоящая пионерская жизнь, — сказал один.

— У меня появилась цель в жизни, — сказала вторая.

— Какая же это цель? — спросил я.

— Сделать так, чтобы все вокруг меня жили, как в коммуне...

На прощание я сказал ребятам то, что они всегда говорят, расходясь:

— Смело и бодро вперед!

— Победа во что бы то ни стало! — хором ответили коммунары. Это в боевых приказах Михаила Васильевича Фрунзе нашли они такие слова.